

РЕЦЕНЗИЯ

на монографию «Основы теории юридической аномии»
Д.А. Липинского, А.В. Малько, А.А. Иванова, Р.С. Маркунина
под ред. д-ра юрид. наук., проф. Д.А. Липинского
(Основы теории юридической аномии: монография / Д.А. Липинский, А.В. Малько, А.А. Иванов,
Р.С. Маркунин ; под ред. Д.А. Липинского. М.: РИОР, 2024. 407 с.)

Макарейко Николай Владимирович, доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры административного права и процесса
Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород (Россия)

E-mail: makareiko_nik@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8335-9056>

Поступила в редакцию 18.11.2024

Пересмотрена 05.12.2024

Принята к публикации 09.12.2024

Высокая динамика юридических явлений и процессов ставит на повестку дня необходимость их своевременного предвидения и последующего формирования рекомендаций по их должному упорядочению. Результатом должно стать стимулирование позитивных тенденций и купирование негативных проявлений в правовой сфере. Перед юридической наукой стоит задача по выявлению государственно-правовых закономерностей, которые должны быть учтены субъектами, осуществляющими правотворчество, толкование права, систематизацию законодательства, правореализацию. Вместе с тем внимание правоведов в ряде случаев носит избирательный характер, результатом чего выступает возникновение соответствующих доктринальных пробелов. Это в полной мере относится к юридической аномии. В связи с этим монографию «Основы теории юридической аномии», изданную под редакцией профессора Д.А. Липинского [1], следует признать весьма своевременным, высокоактуальным, обладающим очевидным научным и практическим потенциалом исследованием.

Вопросы аномии изначально получили освещение в работах социологов. Представители данного направления научного знания были озабочены проблемой обусловленности отклоняющего поведения, что вызвано конфликтом между культурой и социальными нормами [2; 3]. С учетом междисциплинарного статуса аномии данное явление выступило объектом изучения философии, психологии, политологии и других наук. Такое положение во многом объясняется тем, что аномия выступает важным компонентом теории социальных отклонений. В связи с этим возникает закономерный вопрос, как могло случиться, что аномия не оказалась прочно встроенным в правовой тезаурус элементом?

Между тем вопросы обеспечения правопорядка и безопасности объективно предполагают формирование целостной концепции юридической аномии. Не случайно данное явление непосредственным образом связано с причинами правонарушений, в т. ч. обладающих высокой степенью общественной опасности, причиняющих существенный урон общественным отношениям (геноцид, терроризм, экстремизм, коррупция и др.). Можно разделить мнение авторов монографии о связи юридической аномии с утратой ценностей права, его составных элементов, нежеланием субъектов

права сверять свое поведение с требованиями правовых предписаний. «Юридическая аномия проявляет себя в виде упадка ценности законности и правопорядка, несоответствием целей общества и средств их достижения, предлагаемых государством, отсутствием доверия между обществом и органами публичной власти, устойчивым правовым нигилизмом. При юридической аномии субъект, совершая свои деяния, не считает нужным сверять их с действующей системой нормативных установок, демонстрируя тем самым свое пренебрежительное к ним отношение» [1, с. 15].

Важно учитывать, что юридическая аномия не ограничивается исключительно правовой сферой. Она оказывает негативное воздействие на ряд других явлений, которые находятся за границами права. Речь идет прежде всего о культуре, общественном сознании. В этой связи авторским коллективом реализован комплексный подход при освещении заявленной проблемы.

Монография состоит из введения, шести глав, объединяющих двадцать два параграфа, заключения и приложения.

Первая глава носит вводный характер. В вводной части указывается, что с учетом избранной темы использованы следующие методы: диалектический, системный, логический, аксиологический, структурно-функциональный, статистический, формально-юридический, структурно-правовой, сравнительно-правовой (с. 16–22). Вместе с тем данный перечень значительно богаче, о чем свидетельствует текст монографии. Можно констатировать, что при решении исследовательских задач были задействованы исторический, лингвистический, интерпретационный, прогнозирования, юридического конструирования, политико-правового моделирования, культурологический и другие методы и приемы. Важно, что при этом авторы исследования не пошли по ошибочному пути формирования очередного определения понятия, а использовали оптимальный познавательный инструментарий для выявления закономерностей, присущих изучаемому явлению. При исследовании понятия правовой аномии авторы пошли по традиционному, апробированному пути – пути выделения и изучения соответствующих признаков, свойственных заявленному явлению. Убедительность авторской позиции во многом обусловлена использованием социологических,

психологических, политологических источников. Важно, что не отрицается связь юридической аномии с ее политической, социальной разновидностями, а также другими видами юридической девиации (с. 38).

Завершается первая глава освещением концепции юридической аномии в отечественной и зарубежной правовой мысли. С учетом неразвитости указанной проблематики в отечественной теории права, о чем свидетельствуют отдельные разрозненные публикации, основное внимание было направлено на зарубежные исследования. Принимаемая во внимание неоднородность существующих подходов, прежде всего в социологии, концепции аномии были сведены в следующие группы: 1) законодательные; 2) лингво-юридические; 3) государственно-правовые; 4) «криминологические»; 5) виктимологические; 6) статусные; 7) культурно-дихотомические; 8) международно-коллизийные; 9) основанные на исследовании проблематики и развития современных технологий (с. 44–53). При этом отмечается, что юридическую аномии зарубежные авторы глубинно не исследуют, а акцентируют внимание на социальной аномии. Они отказываются от формулирования соответствующего определения понятия, а проводимые ими исследования во многом носят прикладной характер. В них юридическая аномия связывается с кризисными явлениями, происходящими в обществе; акцентируется внимание на микроуровне, но при этом не исключается ее проявление на макроуровне. Наряду с этим указывается, что отечественные правоведы, невзирая на различия в терминологии, как и их зарубежные коллеги, выделяют три основных компонента правовой аномии: институциональный, правореализационный, в сфере правовой культуры.

Вторая глава посвящена рассмотрению роли юридической аномии в правовой жизни общества. С учетом неоднозначности восприятия научной общественностью таких понятий, как «правовая жизнь», «правовое пространство», значительное внимание уделяется заочной полемике с оппонентами, которые не разделяют мнение авторов монографии о возможности употребления в научном обороте вышеуказанных терминов. Обращает на себя внимания корректность, с которой авторы дискутируют с оппонентами, например с автором [4]. При этом приводится веская аргументация не только из области правоведения, но и из философской, социологической литературы. Краткий исторический экскурс позволил авторам монографии обнаружить использование термина «правовая жизнь» дореволюционными правоведом (с. 67). Важно, что указанная терминология используется в действующем законодательстве, а также в лексиконе высших должностных лиц государства, что свидетельствует об определенном обновлении понятийного аппарата отечественного правоведения. В этой связи под единым правовым пространством России предлагается понимать «обусловленное принципом верховенства закона определенное состояние согласованности нормативных правовых актов, действующих на территории России и обеспечивающих реализацию, прежде всего, общегосударственных интересов» [1, с. 61].

На протяжении всего текста рецензируемого издания авторы стараются быть реалистами и отмечают, что правовое пространство не может быть абсолютным

идеалом, а содержит определенные противоречия, отклонения, дефекты. Они могут иметь различную природу, интенсивность, направленность, однако нужно стремиться к их обнаружению и последующему устранению, принятию мер по недопущению в будущем. Утверждается органичная связь между правовым пространством и правовой жизнью: «Тем самым единое правовое пространство задает определенный тон для течения правовой жизнедеятельности общества. Другими словами, если правовое пространство становится все более единым, то и правовая жизнь протекает в нормальном ритме, она упорядочивается. Если же наоборот, то правовая жизнь начинает сбивать, в ней появляется больше хаоса» [1, с. 62].

Необходимо отметить, что еще во введении была отмечена связь между юридической аномией и национальной безопасностью (с. 8). Данная взаимосвязь проходит красной нитью через всю монографию. Состояние безнормия, вне всякого сомнения, существует всегда. Другой вопрос, что при определенных обстоятельствах оно достигает такой остроты, когда на повестке дня встает проблема сохранения государственного суверенитета, территориальной целостности, государственности в целом. В настоящее время происходят «тектонические» сдвиги в существующем миропорядке. Они, вне всякого сомнения, коснутся каждого отдельного государства, и противостояние современного «цивилизованного мира» и России является наглядным тому подтверждением.

Истоки юридической аномии во многом изначально заложены в самой правовой системе. С одной стороны, правовая система должна быть в определенной мере консервативна, гарантировать стабильность, прогнозировать упорядочения общественных отношений, с другой – объективно отражать происходящие изменения, обладать определенной динамикой, а также предвидеть соответствующие трансформации, что требует точного юридического прогноза, соединенного с опережающим правотворчеством. Особое обострение юридической аномии происходит на переломных этапах общественного развития. Не случайно в 90-е гг. XX в. она поразила все стороны правовой жизни российского общества (с. 71). Важно, что природа юридической аномии рассматривается не в изоляции, а в органической взаимосвязи с экономикой, политикой, культурой, религией, демографией и другими явлениями. Ее обострение происходит, когда возникают существенные сдвиги в различных сферах общественной жизни.

Следует признать, что аномичные процессы, происходящие в духовно-нравственной сфере российского общества, оказали негативное влияние на его правовую жизнь. Культивирование однополых браков, реакционная пропаганда ЛГБТ-идеологии, отказ от полового деления в пользу гендерной дифференциации, игнорирование религиозных ценностей стали серьезной дезорганизующей тенденцией, мощным антистимулом социального поведения и повлекли за собой рост правонарушений различной степени общественной опасности (с. 77).

Было бы очевидным заблуждением ограничивать юридическую аномии исключительно рамками правового пространства отдельного государства. Она не имеет границ и в этой связи получила широкое распростра-

нение в международно-правовой жизни общества. Происходящий процесс глобализации во многом связан с аномией, ее проявлениями во многих сферах общественной жизни. В этих условиях международное право вместо средства обеспечения межгосударственного компромисса становится инструментом проведения воли отдельных государств, межгосударственных объединений [5]. Вместо прочного миропорядка происходит его разрушение, дезорганизация и дестабилизация международных отношений, хаос и беспорядок.

Построение однополярного мира, игнорирование общепризнанных принципов и норм международного права, подмена их разовыми правилами не позволяют гармонизировать международные отношения, сочетать национальные и интернациональные интересы. Не уменяя роли высоких международных стандартов в области прав человека, охраны окружающей среды, труда, других областях, в ряде ситуаций наблюдаем игнорирование внутригосударственных интересов. Следует признать объективность оценки авторами монографии роли международного права в воздействии на внутригосударственное право. «При многовекторном взаимодействии российской правовой системы с международной важно, с одной стороны, чтобы первая система содействовала развитию второй и способствовала минимизации в ней аномичных явлений... С другой же стороны, значимым моментом выступает установление в отечественной правовой системе механизмов, препятствующих попаданию в нее норм международного права или иных компонентов международной правовой системы, противоречащих Конституции РФ и вызывающих так или иначе элементы "внутригосударственной" юридической аномии» [1, с. 94].

Значительную содержательную нагрузку заключает в себе третья глава монографии, где юридическая аномия рассматривается в институциональном ключе, а также в качестве правореализационного компонента правовой системы. Одно из проявлений юридической аномии заключается в несогласованности системы норм и ценностей, существующих как в обществе, так и в сознании отдельных субъектов права. Особую остроту представляет игнорирование конституционных ценностей [6]. Следует признать, что для теории аномии большое значение имеет несоответствие между целями и средствами их достижения, которых в ряде ситуаций недостаточно. В этой связи делается закономерным акцент на аксиологическую составляющую права (с. 96–105). При этом обращается внимание на отсутствие единого законодательного подхода при закреплении целей в российском законодательстве, что требует качественного толкования. Наряду с этим отмечается роль такого акта стратегического планирования, как стратегия. Именно в данных актах должны быть заключены те основополагающие магистральные идеи, которые необходимо реализовать в определенной перспективе. Обращает на себя внимание тот факт, что убедительность авторской аргументации основывается на действующем законодательстве, статистических данных, использовании потенциала метода сравнительного правоведения. Закономерно отмечается, что юридическая аномия в правотворческой деятельности негативно сказывается на качестве принимаемых нормативных правовых актов и, как результат, приводит к ограничению прав и сво-

бод человека и гражданина, национальной безопасности, снижает легитимность принимаемых законов (с. 131–132).

Формирование нормативных правовых предписаний, осуществляющееся в ходе правотворческой деятельности, имеет принципиальное значение, так как именно субъект правотворчества предопределяет тот алгоритм, которому должны в дальнейшем следовать участники общественных отношений. Высока динамика действующего законодательства, которая в ряде случаев имеет субъективный характер и является стимулом юридической аномии. В то же время юридическая аномия связывается с неурегулированностью возникающих в обществе отношений, что должно активизировать законотворческую деятельность. При этом делается важное уточнение, что «сама эта деятельность, однако, должна быть свободна от проявлений аномии, характеризоваться конституционностью, определенностью и системностью» [1, с. 157].

Закономерным является рассмотрение низкого качества законотворчества, а точнее, его результатов, как фактора, который усиливает юридическую аномию [7]. Авторская практика подтверждается актами высшего органа конституционного контроля (с. 160–170). Деятельность Конституционного Суда РФ позволяет осуществлять действенный контроль за конституционностью наиболее значимых нормативных правовых актов. Вместе с тем следует понимать, что такая деятельность не может осуществляться в инициативном порядке, а требует обращения соответствующих субъектов в орган конституционного контроля в порядке, определенном ст. 36 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»¹.

Принимая во внимание роль такого дефекта законодательства, как пробельность, закономерно рассматривать его в качестве фактора, обуславливающего юридическую аномию. Не случайно данная проблематика традиционно исследуется правоведами [8]. Причиной возникновения названного недостатка законодательства выступает не только высокая динамика общественных отношений, но и изменение соотношения между социальными регуляторами. Авторами поднимается важная проблема установления доверительных отношений между обществом и государством. Игнорирование такого подхода в ряде ситуаций выступает в качестве основания юридической ответственности (с. 175–178). Очевидно, что в этом случае речь должна идти об ответственности государства за результаты своей деятельности, что имеет принципиальное значение при формировании правового государства и движении по пути формирования гражданского общества.

При исследовании заявленной темы используется перспективный подход, а именно рассмотрение парных категорий, в качестве которых выступают регламентированность/зарегламентированность. В этой связи важно, что не только пробельность, но и зарегулированность являются факторами, стимулирующими юридическую аномию. Весьма сложно добиться установления оптимального объема нормативных правовых актов. Субъект правотворчества допускает не только запаздывание

¹ Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/6650>.

в нормативном праве регулировании, но и экспансию норм права в те области нормативного регулирования, которые выступали объектом других социальных регуляторов. В этой связи упорядочение общественных отношений не только усложняется, но и становится неэффективным, приводящим к нарушению прав и ограничению свобод граждан и их объединений. Наряду с этим оказывается негативное влияние на функционирование государственного механизма, его отдельных элементов. При этом не только снижается эффективность государственного управления, но и в ряде ситуаций нарушается законность. Признавая связь между регламентированностью и зарегламентированностью правоотношений, авторы приходят к закономерному выводу, что «оба явления, по причине комплексного характера своего влияния на общественную жизнь, могут использоваться как в качестве средства борьбы с юридической аномией в обществе, так и выступать фактором, усиливающим ее» [1, с. 188].

Заемствование зарубежных правовых ценностей и конструкций в национальные правовые системы является распространенным опытом. Такой подход позволяет избежать дополнительных затрат по поиску и применению наиболее эффективных правовых инструментов, гармонизировать отечественную и зарубежную правовые системы. Наряду с положительными моментами такого заимствования возникают и существенные риски. Особенно опасно использовать зарубежный, пусть и положительный, опыт путем механического переноса эффективных зарубежных практик без учета отечественных правовых реалий. «Слепое» поклонение зарубежному правому опыту в 90-е гг. XX в. обернулось разбалансированностью правового регулирования в ряде отраслей права, что во многом объясняется несовместимостью использования правовых институтов различных правовых семей, прежде всего англо-саксонской с ее доминированием прецедентного права, что можно наблюдать на примере уголовного судопроизводства, технического регулирования.

Следует согласиться с авторами, что имплементация положительных правовых идей и конструкций в условиях происходящих процессов глобализации вполне закономерна. При этом важно апробирование заимствований в локальных условиях для подтверждения обоснованности выбранного пути. Наряду с этим недопустимо «слепое» (механическое) копирование зарубежного правового опыта, что является очевидным фактором стимулирования юридической аномии (с. 201).

Наличие самого совершенного законодательства не исключает юридическую аномию. Именно реализация права показывает, в какой степени нормативные правовые предписания были реализованы на практике, получили свое отражение в поведении субъектов права. В работе показана связь юридической аномии с различными формами реализации права (с. 201–209).

Юридическая аномия, будучи антикультурным явлением, находится в прямой связи с рассогласованием ценностно-нормативных оснований права, которые, в свою очередь, имеют значение для правовой культуры и правового сознания. Юридическая аномия, пронизывая все элементы правовой системы, негативным образом сказывается на состоянии правовой культуры

и правового сознания. В этой связи четвертая глава является логически обусловленным решением в плане освещения заявленной темы. Успешному изложению данной части работы во многом способствовало установление связи между юридической аномией и различными формами деформации правовой культуры (правовой инфантилизм, антикультура, правовая контркультура, правовой нигилизм, правовой идеализм). В этой связи делается вывод, что «юридическую аномию необходимо рассматривать в качестве категории, характеризующей одно из состояний правовой культуры, – процесс ее распада. Юридическая аномия описывает такое состояние общества, в котором старые нормы и ценности уже не действуют, а новые еще не разработаны или не могут функционировать» [1, с. 238].

Важно, что при рассмотрении взаимосвязи юридической аномии и правосознания анализируется воздействие на составляющие ее компоненты, а именно на рациональный, эмоциональный и ценностный. При этом важно учитывать, что правовое сознание претерпевает соответствующую трансформацию, которая носит разнонаправленный характер². Такой подход позволяет более глубоко проникнуть в сущность рассматриваемой проблематики. В дальнейшем авторы приходят к выводу о влиянии юридической аномии на все элементы правового сознания (с. 257).

Необходимо отметить, что в основу выводов по результатам проведенного исследования положены не только существующие доктринальные подходы, действующее законодательство, правореализационная практика, но и социологические замеры. Об этом можно судить по результатам проведенного анкетирования. Форма анкет, а главное, полученные результаты представлены в приложении. Следует признать оправданным выяснение мнений респондентов в отношении как правового сознания, так и юридической аномии, что обусловлено авторской позицией о наличии органической связи между указанными явлениями, как было отмечено ранее (с. 257–277).

Деструктивное влияние юридической аномии не ограничивается правовой культурой, правовым сознанием, но негативно сказывается на юридической практике. Наряду с этим не следует исключать воздействие на правовую систему и неправовых факторов, которые в ряде ситуаций могут не только конкурировать с юридической аномией в плане негативного влияния, но и превосходить их. Речь идет о политике, экономике, культуре, религии, количестве и составе населения и др. В зависимости от конкретной ситуации они могут отличаться по силе, носителям, последствиям, могут усиливать юридическую аномию. С учетом этого необходимо консолидировать усилия по недопущению усиления юридической аномии. При этом данная деятельность должна носить не эпизодический, а постоянный и комплексный характер и, как результат, затрагивать наряду с правосознанием правотворчество и правореализацию (с. 290). Следует отметить, что в орбиту противодействия юридической аномии должна быть включена правоинтерпретационная и правосистематизирующая деятельность.

² Фролов А.Н. *Механизм влияния трансформированного правосознания на содержание и реализацию права в современной России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2018. 24 с. EDN: [MITTFB](#).*

Юридическая аномия имеет очевидную отраслевую специфику, что обусловило изложение соответствующего материала в пятой главе. Авторское внимание было сфокусировано на нормах отраслей конституционного, уголовного, административного и гражданского права. Такой выбор вполне очевиден и обусловлен их ролью в российской правовой системе.

В частности, исследование проблем юридической аномии при реализации конституционно-правовых норм дало возможность выявить следующие виды противоречий. «Во-первых, это противоречие между фактической и юридической конституцией. Во-вторых, между отдельными конституционными нормами. В-третьих, между нормами конституционного и другими отраслями российского права. В-четвертых, между формированием правовых позиций Конституционным судом РФ, фактическим восприятием им концепции "живой конституции" с одной стороны и фундаментальными особенностями романо-германской правовой семьи, к которой относится отечественная правовая система, с другой» [1, с. 303]. Значимость данного фрагмента во многом обусловлена базовым статусом конституционно-правовых норм, а также проводимым процессом реформирования конституционного строительства. Принципиальное реформирование конституционного законодательства в конце XX в., которое проходило в условиях дефицита времени, повлекло за собой безосновательное заимствование зарубежных правовых конструкций. Необоснованное импортирование правовых идей, несвойственных российской правовой системе, привело к определенным конфликтам, снижению легитимности принимаемых законов, признанию их несправедливыми (с. 306). В частности, отказ от официальной государственной идеологии (ч. 2 ст. 13 Конституции РФ³) породил на несколько десятилетий своеобразный идеологический вакуум, который оказал негативное влияние на состояние правового сознания, стал стимулом юридической аномии (с. 325–328).

Уголовно-правовое принуждение обладает наиболее существенным правоограничительным потенциалом и требует максимально ответственного подхода со стороны законодателя при реформировании уголовного закона⁴. В этой связи рассмотрение специфики юридической аномии в уголовном праве видится вполне закономерным. Признавая объективный факт внесения меньшего числа изменений в действующий УК РФ по сравнению с НК РФ и КоАП РФ, необходимо отметить, что непродуманные, неаргументированные изменения в уголовный закон чреваты существенными негативными последствиями. Уникальное отечественное уголовное правовое наследие, которое было наработано в дореволюционный и советский периоды, в ряде случаев было предано забвению в угоду принципам и нормам международного права, «слепому» заимствованию зарубежных уголовно-правовых конструкций, которые негативно сказались на уголовно-

правовой охране (с. 346). Российской уголовно-правовой традиции присуща отличная от зарубежного восприятия цель уголовного права – «восстановление социальной справедливости». Очевидно, что ее достижение должно осуществляться на основании отечественного восприятия указанной ценности (справедливости), а не путем заимствования неких зарубежных стандартов. В то же время авторы отмечают, что в отличие от других отраслей права отечественное уголовное право в меньшей степени подверглось заимствованию иностранных концепций, понятийного аппарата, уголовно-правовых конструкций, но строится на достижениях российской уголовно-правовой науки (с. 356).

При освещении административно-правовой аномии авторы монографии в значительной степени ограничили предмет исследования, остановившись на административно-деликтном законодательстве. Такой выбор может быть объяснен проведением третьей кодификации законодательства Российской Федерации об административных правонарушениях, а также наибольшей интенсивностью применения административной ответственности в системе юридической ответственности. Очевидно, что высокая динамика рассматриваемого сегмента российского законодательства, дефицит актов официального толкования, отсутствие в ряде ситуаций единой правоприменительной практики способствуют юридической аномии (с. 361).

Завершается данная глава рассмотрением гражданско-правовой аномии. Гражданское законодательство претерпело наиболее существенную трансформацию в силу изменения государственной политики по отношению к собственности и развития других базисных отношений, выступающих объектом гражданско-правового регулирования. Данная тенденция сохраняется и в настоящее время. Об этом свидетельствует развитие авторского права, культивирование цифровых отношений. Следует присоединиться к мнению, что в качестве главного условия преодоления гражданско-правовой аномии выступает формирование уверенности граждан в личной безопасности в сфере гражданского оборота, стабильной практики государства по реализации мер гражданско-правовой защиты (правовосстановление) (с. 366).

Завершающая глава монографии посвящена правовой политике России в сфере противодействия юридической аномии. Наличие данной части работы вполне закономерно и обусловлено востребованностью формирования и последующего воплощения в правовой сфере жизни научно обоснованной, последовательной, комплексной деятельности органов публичной власти, их должностных лиц, институтов гражданского общества, направленной на формирование и реализацию эффективного механизма правовых средств противодействия юридической аномии. В этой связи предлагается разработать Концепцию российской правовой политики в сфере противодействия юридической аномии, которая выступит в качестве специального доктринального документа. Принципиально важно, что авторы не ограничиваются констатацией факта необходимости разработки указанного документа стратегического планирования, а предлагают его краткую редакцию. В Концепции предусматривается изложить соответствующие цели, задачи, приоритеты, средства решения обозначенных выше проблем (с. 376). В развитие авторского содержания указанного доктринального

³ Конституция Российской Федерации. Новая редакция: с изменениями, принятыми на Общероссийском голосовании 1 июля 2020 года: с комментариями Конституционного суда РФ. М.: Проспект, 2022. 116 с.

⁴ Шевелева С.В. Свобода воли и принуждение в уголовном праве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015. 46 с. EDN: ZPOAPX.

документа предлагается его структура с кратким изложением содержательных элементов (с. 377–390).

В заключении монографии в концентрированном виде представлены полученные результаты, которые обобщили итоги, изложенные в отдельных главах и параграфах. В приложениях в цифровом и визуализированном форматах показаны результаты анкетирования.

Следует отметить, что монография написана хорошим литературным языком. При этом материал излагается в полемическом ключе, авторы ведут заочную дискуссию с другими исследователями, последовательно и аргументированно отстаивают свои позиции, основываясь на действующем законодательстве, сложившейся правоприменительной практике и, что весьма значимо, перспективах познания юридической аномии. Освещенная проблема является новой для отечественной юридической науки. Не случайно в названии речь идет не о теории, а об основах теории юридической аномии. Внимательный читатель обнаружит, что многие важные аспекты заявленной проблематики изложены в постановочном ключе и ожидают своих заинтересованных исследователей. Познание заявленной темы должно идти по пути установления и обоснования как теоретико-правовых, так и отраслевых закономерностей, собственных юридической аномии. Считаем, что данная монография станет определенным катализатором, который активизирует исследовательский интерес к изучению заявленной проблемы.

Подводя итог вышеизложенному, можно констатировать, что монография «Основы теории юридической аномии», подготовленная авторским коллективом кафедры конституционного и административного права Тольяттинского государственного университета, является высокоактуальным, отличающимся новизной, очевидным доктринальным, прикладным и дидактическим потенциалом научным произведением. Очевидно, она найдет свою заинтересованную аудиторию и получит положительную оценку. Пожелаем авторскому коллективу продолжения творческого исследования проблемы юридической аномии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Липинский Д.А., Малько А.В., Иванов А.А., Маркунин Р.С. Основы теории юридической аномии. М.: РИОР, 2024. 407 с.
2. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996. 430 с.

3. Orru M. Weber on Anomie // *Sociological Forum*. 1989. Vol. 4. № 2. P. 263–270. DOI: [10.1007/BF01112425](https://doi.org/10.1007/BF01112425).
4. Баранов В.М. «Позитивная юридическая ответственность»: спорный концепт, мнимая практика, виртуальная техника. М.: Блок-принт, 2022. 176 с. EDN: [QIZBRQ](https://edn.ru/QIZBRQ).
5. Кавецкий С.Т. Современная аномия: структура, уровни, категории, измерение // *Вестник Брестского университета*. Серия 1: Философия. Политология. Социология. 2020. № 2. С. 135–139. EDN: [HDWGLV](https://edn.ru/HDWGLV).
6. Маврин С.П. Конституционные ценности и их роль в российской правовой системе // *Журнал конституционного правосудия*. 2012. № 3. С. 1–13. EDN: [PGPBTN](https://edn.ru/PGPBTN).
7. Осипов М.Ю. Качество российского законодательства как ключ к повышению его эффективности // *Актуальные проблемы экономики и права*. 2016. № 4. С. 88–95. EDN: [XDDCYT](https://edn.ru/XDDCYT).
8. Лазарев В.В. Пробелы в праве и пути их устранения. М.: НОРМА, 2024. 184 с.

REFERENCES

1. Lipinskiy D.A., Malko A.V., Ivanov A.A., Markunin R.S. *Osnovy teorii yuridicheskoy anomii* [Fundamentals of the theory of legal anomie]. Moscow, RIOR Publ., 2024. 407 p.
2. Dyurkgeym E. *O razdelenii obshchestvennogo truda* [On the division of social labor]. Moscow, Kanon Publ., 1996. 430 p.
3. Orru M. Weber on Anomie. *Sociological Forum*, 1989, vol. 4, no. 2, pp. 263–270. DOI: [10.1007/BF01112425](https://doi.org/10.1007/BF01112425).
4. Baranov V.M. “*Pozitivnaya yuridicheskaya otvetstvennost*”: *spornyy kontsept, mnimaya praktika, virtualnaya tekhnika* [“Positive legal responsibility”: controversial concept, imaginary practice, virtual technique]. Moscow, Blok-print Publ., 2022. 176 p. EDN: [QIZBRQ](https://edn.ru/QIZBRQ).
5. Kavetskiy S.T. Modern anomie: structure, levels, categories, dimension. *Vestnik Brestskogo universiteta. Seriya 1: Filosofiya. Politologiya. Sotsiologiya*, 2020, no. 2, pp. 135–139. EDN: [HDWGLV](https://edn.ru/HDWGLV).
6. Mavrin S.P. Constitutional values and their role in the Russian legal system. *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiviya*, 2012, no. 3, pp. 1–13. EDN: [PGPBTN](https://edn.ru/PGPBTN).
7. Osipov M.Yu. Quality of the Russian legislation as a key to increasing its efficiency. *Aktualnye problemy ekonomiki i prava*, 2016, no. 4, pp. 88–95. EDN: [XDDCYT](https://edn.ru/XDDCYT).
8. Lazarev V.V. *Probely v prave i puti ikh ustraneniya* [Gaps in law and ways to eliminate them]. Moscow, NORMA Publ., 2024. 184 p.

REVIEW

of the manuscript “Fundamentals of the theory of legal anomie”

by D.A. Lipinskiy, A.V. Malko, A.A. Ivanov, R.S. Markunin edited by Doctor of Sciences (Law), Professor D.A. Lipinskiy

(Lipinskiy D.A., Malko A.V., Ivanov A.A., Markunin R.S. *Osnovy teorii yuridicheskoy anomii* [Fundamentals of the theory of legal anomie]. Moscow, RIOR Publ., 2024. 407 p.)

Nikolay V. Makareyko, Doctor of Sciences (Law), Associate Professor,
professor of Chair of Administrative Law and Procedure
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod (Russia)

E-mail: makareiko_nik@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8335-9056>

Received 18.11.2024

Revised 05.12.2024

Accepted 09.12.2024